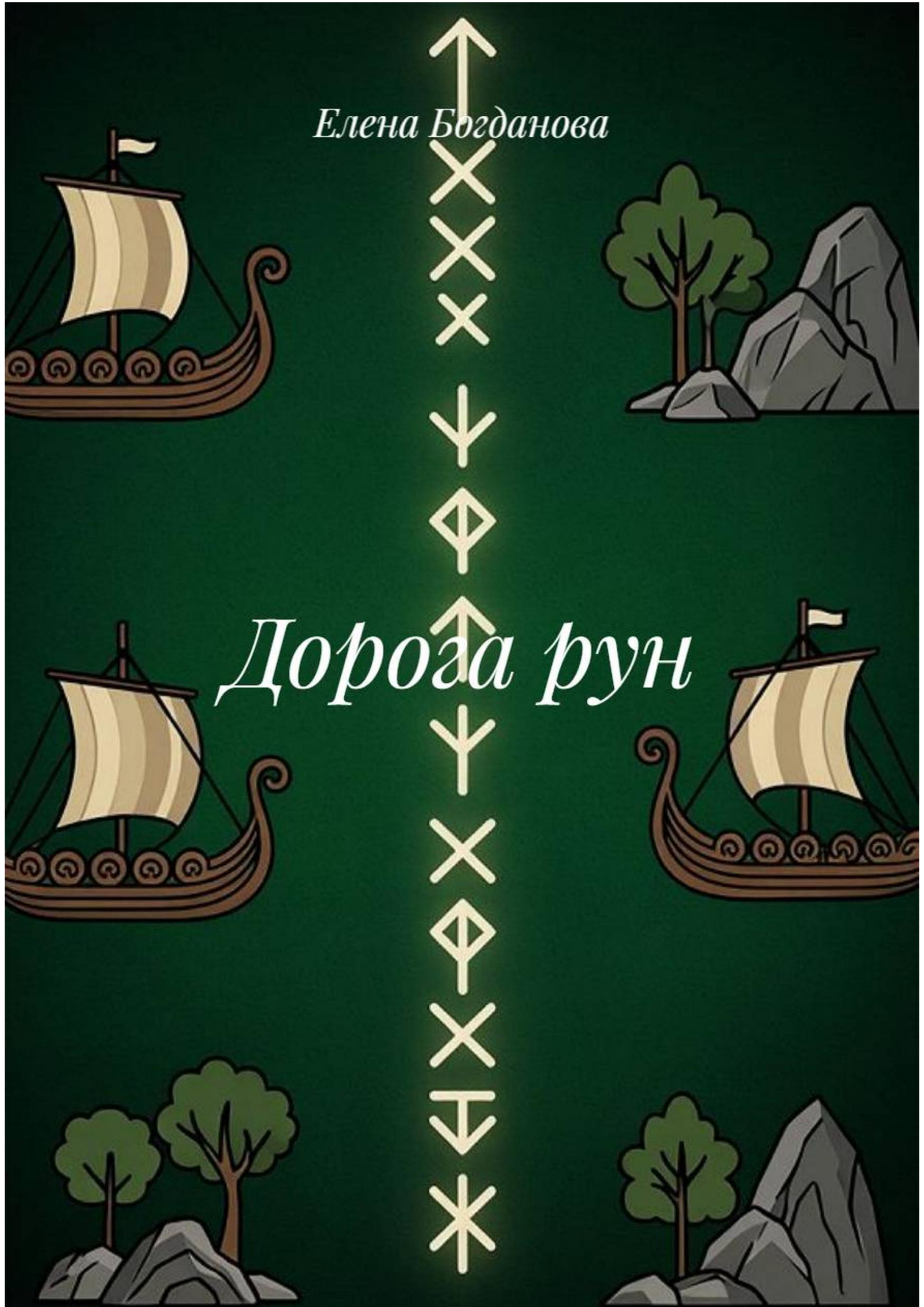
Елена Богданова

Дорога рун

Елена Богданова

Дорога рун

«Автор»
2026

Богданова Е. В.

Дорога рун / Е. В. Богданова — «Автор», 2026

Место действия: Раннесредневековая языческая Скандинавия и христианская Британия. Главная идея: История ложной вины и очищения, а также пути, физического и духовного, тесно переплетенного с рунической скандинавской мифологией. Юный викинг бежит из дома, считая себя виновным в смерти наставника, но пройдя через рабство и сражения, возвращается зрелым мужем и узнаёт, что его роковая ошибка была лишь трагическим совпадением, а настоящий враг всё это время скрывался в тени.Структура: 24 главы, каждая из которых привязана к одной из рун Старшего Футарка и отражает ее толкование в скандинавской мифологии.

© Богданова Е. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 22

Дорога рун

От автора.

Точка отсчета.

Жизнь - это дорога, на которой каждый шаг - это наш выбор, решение, поступок; выбирая, куда и как шагать, человек сам определяет свою судьбу. Эта простая идея была положена в основу лежащей перед Вами книги и, надеюсь, получила в ней достойное отражение.

Мысль написать приключенческий роман в скандинавском антураже, где действие происходит в раннем Средневековье (эпоха викингов), родилась давно. Своеобразным спусковым крючком стало знакомство с древнеанглийской рунической поэмой, где смысл каждого рунического знака был рассказан коротким стихом - именно эти строфы читатель увидит в начале каждой главы. Первая глава была создана лет пятнадцать назад и потом долго лежала, ожидая своего часа и продолжения.

Повествование ведется от лица главного героя - Олафа, который на протяжении романа проходит сложный путь - от своеглавого непослушного мальчишки до взрослого мужчины, закаленного судьбой и раз за разом делающего нелегкий выбор. Мотив дороги как физического пути тесно переплетается с траекторией судьбы, предопределенной рунами.

“Дорога Рун” построена на толковании символов Старшего Футарка - старинного рунического письма, использовавшегося примерно с I по XIII века как на территории Скандинавии, так и за ее пределами. Роман состоит из 24 глав, каждая из которых посвящена одной из рун, а содержание главы по возможности отражает сакральную суть соответствующего символа. В начале каждой главы приводится краткое описание значения руны.

Данная книга - произведение художественное, тем не менее в ней могут прослеживаться параллели с некоторыми событиями, имевшими место в действительности, аллюзии на реально существовавших исторических личностей и географические объекты. Чтобы не вызывать смущение вольными трактовками таковых или несоответствиями, было принято решение по возможности избегать указания точных географических локаций, а также конкретных дат или периодов. В качестве компромисса я решила употребить весьма общее название “Северные земли”, которые безусловно апеллируют к некоторым скандинавским регионам, но без дополнительных деталей, оставляя таковые на волю воображения читателя.

P.S. стихи в начале каждой главы, рассказывающие о символике рун, взяты из перевода староанглийской рунической поэмы, принадлежащего перу Agnar и опубликованного 07.03.2001 на ныне, увы, более не существующем сайте gardarika.newmail.ru

Глава 1.

В чести у всякого богатство,
Но должно каждому свободно
Отдать его, коль он желает
От Лорда добрый жребий взять.

Руна Феху (Fehu) — Имущество / Мир общины

Название этой руны принято переводить как «скот», либо как «деньги», «богатство» или «материальный достаток». В древнем мире скот как движимое имущество действительно считался мерилом достатка и служил средством расчёта. Однако древние рунические поэмы предостерегают нас - богатство может стать источником раздора и беды.

Когда не знаешь, с чего лучше начать, начинай с истоков, с самого простого и основного.

Итак, я происходил из богатой семьи.

Наш род принадлежал к числу древнейших в Северных землях и был одним из самых уважаемых. Мои предки, в числе которых был и знаменитый Харальд Бородатый, всегда служили верной опорой конунгам[1]. Много раз они отличались доблестью на поле брани. Падали, но не сдавались. Истекали кровью, но не предавали. Не единожды и не дважды трепали жестокие распри просторы Скандинавии, не единожды и не дважды разгорались братоубийственные войны за власть и земли. Но едва ли кто-нибудь мог сказать, что в эти смутные зимы потомки Харальда хоть раз замарали честь своего рода.

Верная служба никогда не останется незамеченной, истинная доблесть не пропадет втуне. Потому и правители были благосклонны к нам. Одаривали щедро серебром и землями. Нередко брали жен из нашего рода — а ведь статных, златовласых дев на северных просторах хоть отбавляй.

Сами боги были милостивы к потомкам Харальда Бородатого, и пряхи-норны[2] сулили им процветание до скончания веков.

Но на свет появился я, Олаф. И всё пошло наперекосяк.

Когда я родился, стояла темная ночь, был самый канун Йоля[3]. До тех пор моя мать Фрейборга успела произвести на свет уже четырех детей, но все это были дочери. “Все не то, не то”, — в досаде повторял мой отец Сверрир, который страстно мечтал о сыне — будущем воине и продолжателе рода. И вот он я — наследник. Радость родичей была беспредельной. Сам факт того, что новый годовой круг открывался рождением долгожданного мальчика, считался добрым предзнаменованием. Такое дитя просто не могло не стать объектом всеобщей любви. Вот

---

[1] ко́нунг - у скандинавских народов в средние века первоначально - военный вождь; с образованием государств в Швеции, Норвегии, Дании - король.

[2] норны - в скандинавской мифологии низшие женские божества, определяющие судьбу людей при рождении

[3] Йоль - древний праздник середины зимы у скандинавских и германских народов, выпадал на день зимнего солнцестояния (ориентировочно 21-22 декабря). Считалось, что в эту ночь природа рождает новое начало, Колесо Года делает полный оборот: смерть сменяется рождением, тьма — светом. После прихода христианства традиции Йоля перешли в празднование Рождества и Нового года.

только все эти мгновенно полюбившие меня люди и предположить не могли, какой сюрприз преподнесли им вздумавшие пошутить асы[4].

Маленький Олаф оказался на редкость непослушным. Мои родители наверняка предпочитали видеть своего сына таким активным, нежели тихим и болезненным, как мой единственный друг Магнус. Отец только благодушно усмехался, видя очередной разбитый глиняный кувшин или рассыпанное в амбаре зерно: “Бойкий сорванец растет, настоящий волчонок!” Не особенно его беспокоили и поваленные изгороди, и даже украденные ради забавы у соседских бондов[5] поросята — отец лишь молча отсыпал оскорбленным соседям серебра из своих сундуков. Конечно, меня наказывали за проделки, которые становились день ото дня все изощренней, однако держали не в такой строгости, как следовало бы. Воистину, любовь ослепляет.

Тем более что учился я неплохо: речи мудрецов ловил на лету, а в воинских состязаниях со сверстниками часто выходил победителем. Вот только быстро наскучивало мне врезать нож в дерево, постигая искусство рун, или запоминать длинные поэмы о подвигах славных предков. Хотя отец и мечтал видеть во мне великого воителя и мужественного лидера клана, искусное слово и знание законов он тоже излишним не считал — ведь мудрость украшает воина не хуже доброго меча

Когда мне исполнилось четырнадцать лет — возраст почти взрослый, — отец препоручил меня заботам монаха Альфреда, происходившего из племени саксов с далеких западных островов.

Неслыханное дело, скажете вы: чтобы доблестный скандинавский юноша, в котором живет дух Одина, вдруг стал набираться премудрости у какого-то жалкого христианина! У чужака, сбежавшего с западных земель Альбиона[6] во время очередной распри между тамошними вождями, чья власть и близко не стояла с могуществом наших конунгов. У вечно дрожащего старика, который временами заикался и — только вообразите себе! — поклонялся не могучим Одину и Тору, а далекому Распятому Богу… Странный выбор для сурового Сверрира; далеко не сразу отец поведал, что подтолкнуло его к этому.

Как бы то ни было, Альфред был человеком начитанным и мудрым, и его миссия — взрастить во мне не просто воина, но и будущего предводителя — обещала увенчаться успехом. Если бы не моя собственная дикая выходка.

Ибо если для Сверрира такой выбор наставника был делом решенным, то для его отпрыска – вовсе нет. Поначалу я присматривался к старику, но, как и предполагал, Альфред принадлежал тому сорту людей, которые предпочитают молитву доброй стычке, которые более склонны увещевать, нежели наказывать. Посему робкий священник навряд ли мог помешать забавам непослушного юноши. И, к несчастью, одна из таких забав окончилась плачевно.

Признаюсь, мой еще толком не окрепший разум тогда больше притягивали повести о битвах, нежели религиозные басни. Поэтому скучные наставления старика священника о благочестии меня порядком утомляли. Когда он заставлял меня подолгу просиживать над изучением старинного трактата о чьих-нибудь подвигах, мне хотелось сбежать подальше.

Однажды я действительно сбежал, точнее, попросту не явился на урок, а отправился с Магнусом ловить оленя. Это не могло не огорчить старика Альфреда, и он не придумал ничего лучше, как пожаловаться отцу.

Разумеется, Сверрир пришел в негодование. Он так долго искал достопочтенного мужа, который бы мог научить его единственного сына уму-разуму, вложить в его непокорную голову мудрость настоящего конунга. А Олаф не оценил его стараний, глупый мальчишка.

---

[4] Асы - главная группа богов в германо-скандинавской мифологии, которые олицетворяют небесный порядок, мудрость и силу. Верховный бог и правитель асов - Один — бог мудрости, поэзии и войны. Место обитания - небесный город Асгард.

[5] Бонды — это сословие свободных людей и самостоятельных хозяев-землевладельцев в Скандинавии времен раннего Средневековья, не принадлежавших к знати

[6] Альбион - древнее название нынешней Британии

Что было хуже всего, все это и многое другое отец высказал мне при честном народе, что меня весьма задело. Смеялись мои сестры, селяне-бонды, мои сверстники и несколько воинов, находившихся поблизости. Но – самое страшное - смеялась Хильда, рыжеволосая красавица, ради которой все мужчины нашего края были готовы собственными руками убить дракона! Этого я не мог вынести.

Справедливо или нет, но гнев задетого самолюбия пал не на кого иного, как на несчастного священника. Я решил его немного проучить за неуемность; старик часто толковал о дьяволе, вот пусть этот самый дьявол и навестит его лично.

Глава 2.

Тур, что средь вереска скиталец
Неустрашимо величавый
Бредет один от битвы к битве,
Свирепостью рогов пугая

Руна Уруз (Uruz) - Дикий бык / Необузданная сила

Данная руна в скандинавской традиции символизирует первобытную, мощную силу, энергию созидания и дикую природу, ее часто ассоциируют с диким быком (туром). Эта сила не имеет ограничений и преград, она абсолютна и несет в себе огромный заряд энергии. Как этой силой распорядиться, решает только ее носитель.

Я быстро шел, почти бежал, на другой конец нашей деревни, в сторону реки. Смех Хильды все еще стоял у меня в ушах, щеки горели. Обида жгла меня изнутри, подступая к горлу горьким, удушливым комком.

Мне нужен был мой друг Магнус. Только он мог разделить со мной этот позор, только перед ним я мог не прятать пылающего от стыда лица. Я нашел его на заднем дворе отцовского амбара — он уныло чинил старую плетеную корзину для рыбы.

Мы были ровесниками, но на этом наше сходство заканчивалось. Боги щедро одарили меня ростом, широкими плечами и кровью, которая вечно бурлила, требуя движения. Магнус же рос бледным, тонкокостным, с задумчивым взглядом исподлобья и вечным кашлем, который терзал его каждую зиму. Рядом с его хрупкой фигурой я казался неуклюжим, слишком большим и шумным.

— Мы проучим этого сакса, — выдохнул я, присаживаясь рядом на бревна. Мои губы подергивались, а голос дрожал, едва не срываясь на плач. — Я вырежу личину лесного тролля, страшного как черт из рассказов старика. Такую, чтобы у него подкосились его немощные ноги. Ты должен пойти со мной в лес, Магнус, и помочь мне.

Магнус выронил костяное шило. Его серые глаза испуганно округлились.

— Олаф, ты с ума сошел? — зашептал он, оглядываясь на двери дома. — Твой отец и так в ярости. Альфред — старик! Он едва ходит, у него сердце бьется, как испуганная птица в силках. К тому же... зачем эти игры со злыми духами? Асы не любят, когда люди примеряют на себя чужую тьму. Это грех и святотатство!

— Грех?! — во мне вспыхнула дикая, отчаянная досада. Обида, которую я копил весь день, вырвалась наружу. Я резко вскочил, нависая над другом, и схватил его за плечи. Я не хотел сделать ему больно, но мои пальцы сжались слишком крепко от переполнявшего меня бессилия.

— А надо мной сегодня смеялась Хильда! — почти крикнул я, и в моих глазах против воли вскипели злые, горючие слезы, которые я поспешно сморгнул. — При всех! Отец отчитывал меня, как последнего раба, а Эрик и парни тыкали пальцами. И Хильда... она смеялась громче всех, Магнус! Из-за этого трусливого монаха меня выставили дураком перед всей деревней! А ты... ты, мой единственный друг, теперь говоришь, что я не прав? Ты тоже на его стороне?

Я отпустил его плечи и отвернулся, тяжело дыша и пряча лицо. Плечи мои мелко дрожали от уязвленного мальчишеского самолюбия. Мне казалось, что если сейчас и Магнус отвернется от меня, то мой мир окончательно рухнет.

Магнус долго молчал. Он посмотрел на поломанную корзину, затем на мою сгорбленную спину. На его бледном лице отразилась глубокая жалость. Он вздохнул, поднялся и мягко тронул меня за локоть.

— Ладно тебе, Олаф. Хватит. Никакой я не чужак тебе.

Я обернулся. Друг смотрел на меня серьезно и грустно.

— Я пойду с тобой, — тихо сказал он. — Не потому, что мне нравится эта глупая затея с чертом. А потому, что ты пропадешь один со своей горячей головой. Бери нож, пойдем в тисовую чащу.

Гнев — плохой советчик, но великий мастер.

Вместе с Магнусом мы ушли в глухую чащобу за холмами, туда, где высились старые, искривленные ветрами тисы. Отыскав поваленный ствол с толстой, сочной корой, я принялся за работу. Металл с хрустом вгрызался в дерево. Я не жалел пальцев, сдирая кожу в кровь, — дикая, первобытная сила вела мою руку. Мы соединили в этой личине всё, что могло породить воспаленное воображение: от сакса я наслушался историй о рогатом хозяине преисподней, а из рассказов старых скальдов[7] взял черты лесных турсов — чудовищ, что пожирают солнце.

К исходу дня из куска коры и овечьей шерсти на нас смотрело нечто ужасающее. Изломанные брови, клыкастый оскал и настоящие козлиные рога, которые Магнус стащил из отцовского хлева. Творение вышло настолько жутким, что даже мой друг невольно отшатнулся, когда я примерил его в полумраке сарая. Личина дышала потусторонней опасностью и злобой.

Мы возвращались, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая верхушки сосен в багровый цвет. Маска была надежно спрятана у меня под плащом; тяжелая и влажная, она больно билась о ребра при каждом шаге. Но я не замечал этой тяжести. Гордость за наше творение и предвкушение скорой мести кружили мне голову.

На развилке у лесного ручья тропинка сужалась. Именно там мы и столкнулись с ней. Хильда шла со стороны луга, бережно прижимая к груди охапку сушеной травы и поздних горных цветов. Ее огненные, рыжеватые волосы растрепались от ветра, а на щеках горел румянец. На ней было простое синее платье, но для меня в тот миг не существовало девы прекраснее. При виде нас она резко остановилась. Ее зеленые глаза лукаво сузились, а на губах мгновенно заиграла та самая знакомая, сводящая меня с ума улыбка.

---

[7] скальды - древнескандинавские поэты-певцы, слагавшие произведения о подвигах правителей и героев

— Глядите-ка, Магнус ведет нашего великого воина на поводке, — звонко рассмеялась она, преграждая нам дорогу. — Что вы делали в глуши, Олаф? Неужто ты прятался от гнева грозного Сверрира? Или монах Альфред задал тебе столько затрещин, что ты сбежал зализывать раны?

Магнус испуганно втянул голову в плечи и попытался спрятаться за мою спину. Я же замер, чувствуя, как краска стыда снова заливает шею. Моя ладонь под плащом судорожно сжала рогатую личину. Мне хотелось закричать, доказать ей, что я не трус и не маменькин сынок, но пришлось сдержаться.

— Я ни от кого не прячусь, Хильда, — стараясь, чтобы голос звучал как можно тверже и взрослее, ответил я. — Мужчины нашего рода не бегают от трудностей. Мы... мы выслеживали зверя.

— Зверя? — Хильда сделала шаг вперед. Она была так близко, что я почувствовал сладкий аромат меда и лаванды, исходящий от ее ноши. Она опустила взгляд на мои руки. — Что-то не видно ни лука, ни дичи. Зато твои пальцы все исцарапаны и в темной смоле. Какой же зверь оставляет такие следы, а, охотник?

Я поспешно спрятал руки за спину. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица. Я безумно боялся, что из-под плаща высунется козлиный рог или кусок шерсти, и Хильда поймет, какой глупостью мы занимаемся.

— Обычный лесной зверь, — буркнул я, отводя глаза. — Скоро вся деревня о нем услышит. И ты тоже, Хильда.

Она удивленно приподняла бровь, заметив, как сильно я волнуюсь. В ее взгляде на секунду проскользнуло что-то похожее на мягкость, но она тут же снова спрятала ее за девичьей дерзостью. Она поправила охапку цветов и обошла меня по краю тропы.

— Ну-ну, хвастунишка, — бросила она через плечо, уходя в сторону деревни. — Смотри только, чтобы этот зверь не оказался сильнее тебя. А то падать на глазах у всей деревни во второй раз будет совсем стыдно.

Ее легкий смех еще долго эхом отдавался среди деревьев. Когда она скрылась за поворотом, Магнус глубоко, с облегчением вздохнул и дернул меня за рукав:

— Олаф, у тебя лицо белее, чем у покойника. Идем скорее, пока не встретили еще кого-нибудь.

Я ничего не ответил. Я лишь крепче прижал маску к груди. Слова Хильды не обидели меня, нет — они разожгли во мне упрямый, отчаянный пожар. Теперь я просто обязан был довести шутку до конца. Я должен был доказать ей, синеглазой насмешнице, что способен перевернуть это селение вверх дном.

Боги словно благословили нашу месть, послав на долину самую яростную бурю за всю осень. Небо затянуло черными, как деготь, тучами, и на волю вырвался ледяной горный ветер. Дождь хлынул стеной, превращая тропинки в грязное месиво. Мы прокрались к краю села, где у самого подножия скалы стояла одинокая хижина Альфреда.

Из-за стены дождя и спускавшейся темноты было плохо видно и совсем ничего не слышно. Сквозь узкое оконце, затянутое полупрозрачным бычьим пузырем, едва пробивался слабый, дрожащий свет лучины. Старик, верно, молился своему далекому Богу или переписывал очередную спасенную рукопись.

Дрожа от холода и начинающего одолевать нас страха, мы на цыпочках подошли к стене. Я натянул маску. Кожа пахла сырой древесиной и козлиным потом, мир вокруг сузился до двух узких прорезей для глаз. Магнус сильно постучал кулаком по дубовой ставне и тут же отпрянул в тень.

Внутри хижины как будто бы что-то упало. Дерево засова скрипнуло, ставня медленно поползла в сторону - она и не была заперта, или задвижка сломалась от изношенности, и я прижал клыкастую морду прямо к оконному проему, оказавшись лицом к лицу с наставником.

И в это же мгновение небеса раскололись.

Ослепительная, мертвенно-белая вспышка молнии разрезала ночную тьму, залив долину потусторонним светом. Тор ударил в свою наковальню с такой силой, что земля содрогнулась под нашими ногами, а от грохота грома заложило уши. В этом яростном всполохе маска, должно быть, выглядела живым порождением ада. Я увидел, как широко распахнулись глаза Альфреда, как схватился он за грудь, хватая ртом воздух, и как беззвучно отшатнулся и отступил назад, в темноту дома.

Первобытный, дикий ужас обуял нас. Это был уже не смех над старым саксом — казалось, сами боги разгневались на нашу дерзость. Мы бросились наутек, не разбирая дороги, утопая в грязи и спотыкаясь о корни. Ветви хлестали по лицу. Задыхаясь от страха, я сорвал с себя проклятую личину и швырнул её куда-то в колючие кусты шиповника неподалеку от хижины. Мы бежали так, словно за нами гналась вся дикая свора Одина.

Глава 3.

Остры шипы и плоть легко пронзают
Схватившего, и причиняют боль.
Ужасна участь павшего на них -
Он обречен на муки и страданья

Руна Турисаз (Thurisaz) - Роковой удар / Изгнание

В скандинавской традиции эта руна воплощает в себе могучую силу, защиту, непреодолимый барьер и разрушение преград. Она неразрывно связана с великанами-турсами и богом-громовержцем Тором, а также его волшебным молотом Мьёльниром. Руну часто представляют как острый шип на стебле - он пускает кровь любому, кто пытается сорвать цветок без спроса или причинить вред. Также Турисаз символизирует границу между мирами, состояниями или этапами жизни.

Наутро буря утихла, оставив после себя лишь разбитые, тяжелые тучи над горами и гнетущую сырость, которая просачивалась сквозь щели бревенчатых стен. В длинном доме моего отца всё шло своим чередом — привычно, мирно и тягуче, как бывало каждую осень. Посреди зала в открытом очаге весело потрескивали сухие сосновые поленья, наполняя воздух густым смолистым теплом и сладковатым дымом. Мать Фрейборга, тихо напевая под нос какую-то старую песню, расставляла на длинном дубовом столе тяжелые деревянные миски. Из большого глиняного горшка, исходившего паром, она аккуратно наливала густую ячменную похлебку, щедро сдабривая каждую порцию маслом. На середине стола дымилось блюдо с запеченным на углях лососем, только недавно выловленным в ближайшей речке. От этого запаха сытости и покоя у любого нормального юноши моего возраста мгновенно свело бы живот от голода.

Меня же чуть не тошнило. Сидя на скамье у самого огня, я чувствовал, как по спине струится ледяной пот. Мой рот пересох, а язык казался чужим и неповоротливым.

— Ну и задал Тор жару этой ночью, — грохотал на другом конце стола отцовский голос.

Сверрир сидел, развалившись на своем почетном сиденье, украшенном резными мордами волков. Он лениво обгладывал лососевую голову и жестами подзывал к себе старших работников. На его широком лице не было и тени тревоги — лишь привычная забота хозяина, у которого в подчинении находились десятки людей.

— Гроза повалила забор у дальнего загона, того, что ближе к лесному ручью, — наставительно выговаривал отец старому работнику Торстейну. — Пару овец затянуло в грязевой оползень, но, хвала богам, волки до них не добрались. Возьми парней, соберите скот и почините изгородь до того, как стемнеет. Земля раскисла, бревна будут тяжелыми, так что не мешкайте.

Торстейн согласно кивал, утирая усы ладонью

Каждое их слово, каждый стук деревянных ложек о края мисок отзывались в моей голове грохотом боевого щита. «У дальнего загона... совсем рядом с хижиной Альфреда», — билась в моем виске испуганная мысль. Мне казалось, что если я сейчас сделаю хотя бы один глоток, то просто задохнусь. Перед глазами до сих пор стояло бледное лицо старого сакса, застывшее во вспышке молнии. Ожил ли он? Нашел ли его кто-нибудь? Или старик всё еще лежит там, на холодном полу, уставившись мертвыми глазами в потолок из-за моей дурацкой выходки?

— Олаф, сынок, да на тебе лица нет, — мягкий, теплый голос матери заставил меня вздрогнуть. Она бесшумно подошла сзади и опустила свою широкую, пахнущую парным молоком и чабрецом ладонь мне на лоб. Я невольно зажмурился, чувствуя, как этот простой, до боли знакомый жест материнской заботы едва не заставляет меня разрыдаться от бессилия и стыда. Как бы мне хотелось сейчас уткнуться в ее передник, как в детстве, и рассказать всё! Но страх сковал мне челюсти.

— Лоб холодный, а сам бледный, как призраки Хельхейма[8], — обеспокоенно проговорила Фрейборга, оборачиваясь к отцу. — Сверрир, посмотри на него. Парень за весь завтрак даже к ложке не прикоснулся. Опять, небось, носился с Магнусом по болотам под дождем, пока буря не заставила спрятаться?

Отец оторвался от еды и тяжело, испытующе посмотрел на меня из-под густых седых бровей. В его взгляде уже не было недавнего гнева, только строгая, отцовская проницательность.

— Юноше не пристало киснуть от капли осенней воды, — гулко отозвался Сверрир, но в его голосе проскользнула скрытая тревога. — Поешь, Олаф. Сила мужчине нужна не меньше, чем добрый клинок. Альфред ждет тебя сегодня позже обычного, он собирался заниматься в эти дни переписыванием какой-то ученой книги. Да и нужно дать ему время прийти в себя после ночной непогоды. Так что подкрепись, а позже ступай к нему. Хватит бездельничать.

При упоминании имени монаха у меня перехватило дыхание. Ложка, которую я наконец попытался взять, с глухим стуком выпала из моих онемевших пальцев прямо в миску, забрызгав оттертый добела стол и мою рубаху каплями серой похлебки. Мать испуганно ахнула, а отец нахмурился, собираясь сказать что-то резкое, но не успел. С улицы, пробивая тяжелый утренний туман, донесся протяжный, зловещий и леденящий душу завывающий звук сигнального рога. Так трубили только тогда, когда в долину приходила беда.

Бонды бросили работу и поспешили к длинному дому моего отца.

Монах Альфред был найден мертвым. Он лежал на полу своей хижины, застывший в позе ужаса, с широко распахнутыми глазами, устремленными на приоткрытое окно, и с судорожно стиснутыми руками, прижатыми к сердцу. На его теле не было следов от ножа или топора, но лицо покойника говорило яснее любых ран — его убил чистый, первобытный страх.

---

[8] Хельхейм - мир мертвых в скандинавской мифологии

Мы с Магнусом встретились у старого амбара, бледные, с серыми от недосыпа лицами. Слова были лишними. Одно короткое рукопожатие, один взгляд — и мы, не сговариваясь, поспешили обратно к жилищу сакса.

Нам нужно было уничтожить личину. Сжечь, порубить в щепки, утопить в болоте — сделать всё, чтобы этот жуткий кусок коры навсегда исчез. Мы облазили все кусты шиповника неподалеку от хижины, изрезали пальцы о колючки, перерыли мокрую листву.

Маски нигде не было. Она словно сквозь землю провалилась.

— Кто-то забрал её, Олаф... — прошептал Магнус, и его зубы мелко застучали. — Её забрали боги. Или люди. Нас казнят.

На следующий день Магнус не появился. Его отец угрюмо передал, что парня бьет жестокая лихорадка, он бредит и не может подняться с постели. Я остался один на один со своей виной. Наш заговор молчания теперь держался только на честном слове больного друга.

Известие о болезни товарища окончательно лишило меня остатков разума. По селу уже вовсю ползли слухи о мертвеце в хижине, а тут ещё и Магнус слег. Наш заговор молчания, казавшийся ночью нерушимым, теперь висел на волоске, который мог оборваться от одного неосторожного слова метавшегося в бреду парня.

Я выскочил из дома и, стараясь не бежать, чтобы не привлекать внимания суетившихся бондов, направился к жилищу Магнуса. Его семья жила не в пример беднее нашей — их длинный дом стоял на самом отшибе, у кромки болот, и от него вечно пахло сыростью и торфяным дымом. У порога я столкнулся с его матерью, бледной, измученной женщиной с покрасневшими от слез глазами.

— Олаф... — тихо прошептала она, вытирая руки о подол. — Не ходил бы ты к нему. Горит весь, как головня в костре. Наша ведунья - травница говорит, что это злой дух болот пришел за ним в грозу. Бредит, несёт какую-то околесицу...

— Я только взгляну на него, тётушка, — перебил я её, с трудом сглатывая подступивший к горлу ком. — Мы ведь со вчерашнего дня не виделись. Я ненадолго.

Внутри дома царил полумрак. Единственный очаг едва тлел, и в воздухе стоял тяжёлый, удушливый запах кислого пота, пережжённых лечебных трав и застарелой хвори. Магнус лежал на узком помосте в углу, укрытый несколькими слоями дырявых овчин. Его обычно бледное лицо сейчас горело яростным, багровым румянцем, губы потрескались до крови, а сухие волосы разметались по грязной подушке.

Я сел на край его лежака. Стоило мне опустить руку на его плечо, как Магнус резко вздрогнул. Его веки затрепетали, приоткрывая мутные, подёрнутые плёнкой лихорадки глаза. Он не узнал меня. В его расширенных зрачках отражался тот же первобытный ужас, что мы пережили у окна священника.

— Она... она там... — сиплым, надсадным шёпотом выдавил он, пытаясь приподняться на локтях. Овчины поползли в сторону. — Олаф, сними её... сними личину, она приросла к лицу! Старик смотрит... Альфред зовёт нас в землю... У неё рога, Олаф! Рога козлиные…

— Замолчи! — в панике выдохнул я. Сердце моё совершило бешеный кувырок. Я резко подался вперёд и навалился на друга всей тяжестью своего тела, вдавливая его обратно в шкуру. Моя широкая ладонь намертво впечаталась в его горячие, сухие губы, заглушая очередной стон. Магнус слабо задергался подо мной, его тонкие пальцы судорожно впились в мои запястья, но куда ему было тягаться со мной в силе?

— Тсс... Тихо, Магнус, это я, — зашептал я ему прямо в ухо, чувствуя, как его горячее, прерывистое дыхание обжигает мне пальцы. — Молчи, заклинаю тебя всеми богами! Мать твоя снаружи стоит. Услышит — нам обоим конец. Нет никакой маски. Всё закончилось. Старик просто умер, нас никто не видел. Молчи…

Я держал его так, кажется, целую вечность, пока безумный блеск в его глазах немного не угас, сменившись глухой, бессильной покорностью. Магнус обмяк на постели, тяжело и хрипло

задышал через нос. На его ресницах выступили крупные слёзы жалости и страха. Медленно, дюйм за дюймом, я убрал руку от его лица. Больной юноша отвернулся к стене и тихо, беззвучно заплакал, кусая край одеяла.

— Мы пропали, Олаф... — едва слышно донеслось из темноты угла. — Боги всё видели. Они не простят.

Я поднялся со скамьи, чувствуя, как мои собственные колени дрожат от пережитого страха. Я ничем не мог ему помочь. Мой единственный преданный друг был сломлен и заперт в клетке своего безумия, а я остался на свободе — один на один с надвигающейся бурей, которая вот-вот должна была сокрушить весь мой мир.

В длинном доме отца дым стоял коромыслом, но не от праздничного веселья, а от дыхания десятков распаленных, тяжело дышащих мужчин. Сюда со всей долины съехались те, кто обычно имел право носить оружие и говорить на Тинге[9]. Воздух был густым, горьким от копоти факелов и запаха мокрой шерсти — люди проходили внутрь, стряхивая с плащей остатки утренней измороси.

Я забился на самую дальнюю скамью, поближе к слугам и младшим работникам, надеясь стать невидимкой. Но стены дома словно сжимались, превращая залу в ловушку.

На почетных местах по обе стороны от моего отца сидели старейшины — около дюжины суровых старцев, чьи лица напоминали дубовую кору, изрезанную ветрами и шрамами от старых клинков. У многих не хватало пальцев, у кого-то вместо глаза зияла пустая впадина, а их седые бороды доходили до тяжелых поясов, окованных серебром. Эти люди помнили времена, когда наши конунги еще не знали вкуса заморского золота, и судили всегда по старому закону крови.

Мой отец, Сверрир, поднялся. В зале мгновенно воцарилась такая тишина, что было слышно, как в очаге трещит уголь.

— Ученый монах Альфред мертв, — глухо произнес он, и его пальцы крепко сжали рукоять родового меча. — Человек, которого я взял под защиту своего очага, ушел к праотцам без единой раны на теле. Но это не была мирная смерть от старости. Боги или демоны забрали его дух. И у его порога охотники нашли темную находку, принесшую чужеродное зло на наши земли.

Зал глухо зароптал. Бонды переглянулись, хватаясь за рукояти ножей.

— О чем ты толкуешь, хёвдинг[10]? — вперед вышел старый Гудмунд, почтенный бонд, чей род владел лучшими пастбищами у подножия гор. Его единственный глаз яростно блестел в полумраке. — Чего еще ты ждал, пригрев на груди этого заморского ворона? Альфред плел свои заговоры, шептал молитвы распятому Богу и осквернял наш воздух! Это кара Всеотца! Один послал своих вестников, чтобы очистить долину от скверны! Если мы не принесем богам искупительную жертву, к зиме волки сожрут наше последнее стадо!

— Придержи язык, Гудмунд! — перебил его с другого конца стола Эгиль, бывший викинг, чье лицо было пересечено страшным косым следом от франкского топора. Он резко ударил кулаком по столу, так что глиняные кружки подпрыгнули. — Ты сидишь в своей норе и дальше гор ничего не видишь! Альфред был непростым беглецом. Сверрир взял его у людей конунга. Если на западе узнают, что в нашей общине без вины загубили мудреца, конунг пришлет сюда своих берсерков. Он наложит на нас такой вергельд[11], что нам придется отдать половину земель и продать детей в рабство, чтобы выплатить штраф за кровь!

---

[9] Тинг - народное собрание свободных людей в средневековой Скандинавии, выполнявшее функции парламента, суда и верховного органа власти

[10] хёвдинг - племенной вождь, военачальник и влиятельный лидер в средневековой Скандинавии

[11] вергельд - денежный выкуп, который убийца или его семья выплачивали родственникам убитого, чтобы прекратить кровную месть и уладить дело миром.

— Ты боишься гнева смертного конунга больше, чем ярости Асов, Эгиль трус?! — взревел кто-то из темноты зала.

— Кто это вякнул?! Выходи к очагу, я выпущу твои кишки прямо на эти бревна! — Эгиль вскочил, обнажая короткий сакс.

В зале начался сущий хаос. Мужчины вскакивали со скамей, толкая друг друга, спорили, кричали, бряцали оружием. Споры старейшин переросли в общий гул, от которого закладывало уши. Одни восклицали про месть старых богов, другие — про неминуемый суд конунга и разорение общины.

А я сидел посреди этого безумия, и мне казалось, что воздух вокруг меня превратился в свинец. Горло сдавило судорогой. В моем воспаленном от страха подростковом уме слова отца о «темной находке» и крики старейшин слились в один кошмарный приговор. *«Они ищут виновного... Они нашли мою маску в кустах... Отец сам поднимет топор над моей головой, чтобы спасти род от позора и мести конунга»*, — паника, сильная и безотчетная, захлестнула меня с головой.

Суматоха и крики у очага нарастали. Отец снова поднял руку, пытаясь перекричать толпу, и в этот момент все взгляды устремились к нему. Воспользовавшись тем, что на меня никто не смотрит, я осторожно сполз со скамьи и, пригибаясь, скользнул вдоль глухой стены к тяжелой дубовой двери.

Глава 4.

Речь (Бога) - мудрости основа,
Что к пользе избранный поймет.
Но каждый благородный воин
Надежду ищет в ней и счастье.

Руна Ансуз (Ansuz) — Уста / Мудрость / Знаки .

Данная руна олицетворяет порядок, защитниками которого в скандинавской мифологии являются Асы. Отождествляется со словом, знанием вообще и богом Одином. Представляет собой мост между мирами людей и богов, связь между внешним и внутренним. Она напоминает нам, что самое важное знание часто приходит не извне, а рождается внутри в момент тишины и восприятия. Это руна мастера, поэта и провидца, призывающая доверять силе слова и мудрости, которая способна изменить реальность.

Оказавшись снаружи, под блеклым осенним небом, я понял, что назад дороги нет. Паника гнала меня прочь. Я забежал в хлев, схватил свой нож, теплый плащ и собрал мешок с

вяленым мясом. Не прощаясь с матерью, не взглянув на Хильду, я бросился к горному перевалу. Я бежал из родного дома, гонимый призраком собственной глупости.

Я не выбирал троп. Страх ослепил меня, превратив в дикого зверька, спасающего свою шкуру. Я ломился прямиком сквозь густую чащобу, туда, где склон горы становился круче. Осенний лес после ночной бури превратился в настоящий лабиринт поломанных стволов и веток, а почва - в сплошное месиво из раскисшей глины и скользкой хвои. Ноги то и дело разъезжались, я падал, сдирая кожу на ладонях о колючий кустарник, поднимался и снова бежал, задыхаясь от нехватки воздуха. Тяжелые еловые лапы со свистом хлестали меня по лицу, оставляя на щеках обжигающие алые полосы. Каждые несколько минут я замирал, вжимаясь спиной в холодные стволы деревьев, и прислушивался. В шуме ветра и скрипе старых сосен мне настойчиво чудился топот коней, злой лай отцовских гончих и яростные крики бондов. Мне казалось, что вся долина уже поднялась на мою поимку.

Лишь когда склон стал настолько крутым, что пришлось карабкаться вверх на четвереньках, цепляясь за выступы скал, я без сил рухнул на камни у небольшого горного источника. Сердце колотилось в груди так бешено, что, казалось, вот-вот проломит ребра. Из ушей ушел гул погони, уступив место хрустальному журчанию ледяной воды.

Я опустил лицо в поток. Вода ломила зубы и обжигала кожу, но она немного остудила мою воспаленную голову. Я поднялся и посмотрел на свое отражение в серебристой поверхности. Из воды на меня глядел оборванный, исцарапанный мальчишка с растрепанными волосами и диким взглядом — жалкая тень того гордого Олафа, который еще вчера мечтал стать великим хёвдингом. Я достал из мешка кусок вяленой оленины, но не смог съесть ни крошки — горло снова сдавил горький, удушливый ком.

На смену панике пришло леденящее осознание. Я сбежал. Оставил мать, которая утром так нежно грела мои руки. Оставил отца, чье доверие растоптал. И Хильду... Норны, Хильда! Она ведь была там, на собрании. Теперь она узнает, что Олаф, хваставшийся выслеживанием «редкого зверя», просто струсил и удрал поджав хвост. Я сам, своими руками, вычеркнул себя из рода Харальда Бородатого.

Но пора было двигаться дальше. Горный перевал встретил меня колючим, пронизывающим до костей ветром. Я бежал, потом шел, потом плелся без оглядки, пока легкие не начало жечь огнем, а ноги не стали тяжелыми, словно налитые свинцом. Окраина родной долины осталась далеко внизу, окутанная серым саваном тумана.

Тьма опустилась на горы стремительно, будто кто-то накрыл землю черным медвежьим мехом. Вместе с темнотой пришел настоящий, лютый холод. Мой плащ, пахнущий домашним уютом и шерстью, быстро пропитался сыростью и больше не спасал от промозглой прохлады.

Я забился в неглубокую расселину между двумя замшелыми валунами, подтянул колени к подбородку и обхватил себя руками. Зубы отчаянно выбивали дробь. В этот момент я впервые осознал, что у меня больше нет теплого отцовского очага, нет горячей каши матери и надежных стен, способных защитить от ночных кошмаров. Я впервые в жизни остался один на один с диким неприветливым миром.

Лес вокруг меня ожил, наполнившись пугающими, таинственными звуками. Шорох сухих ветвей казался шагами преследователей, пришедших по мою душу. Из-за туч изредка проглядывала бледная, холодная луна, и в ее призрачном свете тени старых, искривленных сосен превращались в жуткие силуэты. Мне виделось, будто на склонах гор выстроилось потустороннее воинство — безмолвные мертвецы, выползшие из Хельхейма, или ледяные великаны, застывшие в ожидании приказа.

А затем из глубины черной чащобы донесся заунывный, протяжный вой. От этого звука у меня перехватило дыхание, а волосы на затылке зашевелились. Вой то затихал, уносимый порывами ветра, то нарастал с новой, пугающей силой. То ли это была стая голодных волков, почуявших легкую добычу, то ли сами асы вышли на свою Дикую охоту, карая грешников. Мне

даже казалось, что это дух монаха Альфреда кричит в ночи, обвиняя меня в своей гибели. Я зажал уши ладонями, зажмурился и без остановки шептал имена богов, которых так неосмотрительно оскорбил своей детской проказой. Каждая минута этой ночи длилась как вечность.

К рассвету, когда тьма начала рассеиваться, превращаясь в блеклые предутренние сумерки, я забылся тяжелым, прерывистым полусном. Мне снились горящие глаза маски и суровое лицо отца.

Меня разбудил резкий, гортанный крик прямо над головой:

— Краа! Краа!

Я вздрогнул и распахнул глаза, судорожно хватаясь за рукоять ножа. На краю валуна, прямо надо мной, сидел огромный, угольно-черный ворон. Его перья влажно лоснились от росы, а умные глаза-бусинки смотрели на меня с каким-то пугающим, почти человеческим пониманием. В скандинавских землях каждый ребенок знал: ворон — это Хугин или Мунин, вестник самого Всеотца Одина. Бог мудрости и магии обратил свой взор на беглого мальчишку.

Ворон склонил голову набок, издал еще один протяжный клекот, словно подзывая меня за собой, и взмахнул тяжелыми крыльями. Он полетел не обратно к деревне, а вглубь неизведанных гор, туда, где за перевалом лежали чужие, опасные земли.

Это был знак. Боги не стали убивать меня в эту ночь, они указали мне путь. Страх, сковывавший мое тело, внезапно отступил, уступив место странной, звенящей решимости. Я поднялся, немного размял затекшие ноги, поправил плащ и пошел вслед за черной птицей, навстречу своей новой, неизвестной судьбе.

Глава 5

В покоях светлых всякий воин
Лихой наездник, но труднее
На норовистом иноходце
Нестись в клубах дорожной пыли

Руна Райдо (Raido) — Путь/Дорога.

Эта руна символизирует путешествие, движение, дорогу и преодоление препятствий. Она связана с передвижением во времени и пространстве, а также с переходом между мирами и измерениями, может символизировать духовное путешествие или поиск своего места в жизни. Кроме того, руна Райдо может использоваться для защиты и помощи в путешествии. Она может помочь преодолеть трудности и препятствия на пути и защитить от опасностей и врагов.

Спуск с гор занял всю первую половину дня. Ворон давно скрылся из виду, но принесенный им внутренний покой помогал мне идти. Лес постепенно редел, вековые сосны уступили место молодым березовым перелескам, и вскоре я выбрался к наезженному тракту. Это была

древняя, разбитая колесами дорога, соединявшая горные общины с прибрежными торговыми поселками.

Позади меня, из-за скалистого поворота, донеслось мерное дребезжание, скрип несмазанных колес и ленивое понукание лошади. Сердце мгновенно ушло в пятки. «Погоня! Община выследила меня!» — паника парализовала ноги. Я затравленно огляделся в поисках укрытия, намереваясь броситься в густые придорожные кусты, но было уже поздно. Из-за холма, поднимая облако пыли, выкатилась длинная телега, крытая облезлым серым холстом с выцветшими бледно-красными полосами.

Лошадка была невзрачной, коренастой и косматой, а на козлах сидел невысокий, сухощавый, средних лет человечек в невероятном для наших мест одеянии - на нем болтался лоскутный плащ красно-зеленого цвета, почти такой же потрепанный и выцветший, как и холстина, покрывавшая телегу. На голове у него красовалась странная шапка с облезлым лисьим хвостом.

Тут из-под холщового навеса высунулась еще одна фигура — тощая белокурая девица с густо подведенными углем глазами. И ее наряд не мог не вызвать удивление - пестрая, местами потертая, туника, вся увешанная какими-то странными оберегами, множество металлических браслетов, постоянно звеневших, когда она взмахивала руками.

Телегу окутывал странный шлейф запахов: горелое сало, дешевый хмельной эль и... звериный пот. Изнутри повозки доносилось глухое, утробное рычание.

— Эгей, парень! Куда путь держишь в такой час? — крикнул возница, натягивая вожжи. Телега со скрипом замерла в паре шагов от меня. Его акцент был странным, южным.

Я судорожно сжал рукоять ножа под плащом, глядя на чужаков. Это уж точно были не воины моего отца и не бонды из моего родного поселка.

— Иду... иду на юг, к торговому поселку, — буркнул я, стараясь придать своему голосу звучание взрослого.

— Ну, садись, подвезем! — весело отозвался лоскутный. — Мы — труппа потешников мастера Бьерна. Держим путь на большую осеннюю ярмарку в нескольких переходах отсюда, везем честному люду радость, фокусы и пляски лесного хозяина! Места на соломе хватит, а в обмен расскажешь, не промышляют ли в здешних лесах лихие люди.

Терять мне было нечего. Ноги гудели от усталости, а мешок с мясом почти опустел. Я ухватился за грязный борт и полез внутрь. Там, среди вороха цветастых тряпок, деревянных мечей и расписных личин, свернувшись калачиком, спал огромный старый медведь в наморднике. Я судорожно сглотнул слюну и устроился на краю, крепче прижимая к себе свои нехитрые пожитки. Колеса снова застучали по камням. Руна пути закрутила свой оборот — я ехал в полную неизвестность.

Путешествие в компании бродячих потешников оказалось на удивление мирным. Мастер Бьерн без умолку болтал, рассказывая о далеких южных городах, где дома строят из камня, а девица — ее звали Астрид — сушила углями мои исцарапанные ветками щеки и насмешливо подмигивала. Я впервые за несколько дней согрелся и почти забыл о своей беде.

Дорога нырнула в глубокую, мрачную лощину, зажатую между двумя крутыми каменистыми склонами. “Идеальное место для засады” - невзначай подумалось мне. И по совпадению лошадь вдруг испуганно заржала и встала как вкопанная.

Из придорожных зарослей орешника прямо на тракт бесшумно вышли четверо. На них были грязные кожаные куртки, лица обмотаны серым тряпьем, а в руках зловеще поблескивали широкие топоры и ржавые наконечники копий.

— Стоять, комедианты! — хрипло рявкнул самый рослый разбойник, выступая вперед. — Выворачивайте сундуки, если не хотите, чтобы ваши кишки украсили эти березы. - Живо!

Бьерн побелел под своей нелепой шапкой и медленно поднял руки. Астрид тонко пискнула, забиваясь вглубь телеги. Во мне же, как в настоящем потомке Харальда Бородатого, от

страха и неожиданности внезапно проснулась ярость. Моя рука сама выдернула отцовский нож из ножен.

Рослый разбойник заметил мое движение, ухмыльнулся под своей тряпкой и сделал шаг к борту телеги, занося топор для удара:

— Ишь ты, щенок огрызается... Ну-ка, иди сюда!

Топор разбойника со свистом рассек воздух там, где секунду назад была голова Бьерна. Наш возница, только что казавшийся нелепым шутом, преобразился в одно мгновение. С кошачьей ловкостью он уклонился от смертоносного железа, перекатился по козлам и одним мощным движением выудил из-под сиденья тяжелый, тронутый ржавчиной меч.

— Не на тех напали, крысы болотные! — взревел Бьерн, и его голос больше не был шутливым. Сталь звякнула о сталь. Прежде чем бандиты успели опомниться, Бьерн сделал стремительный выпад. Его клинок глубоко вонзился в горло первому нападавшему, и тот с хрипом повалился в придорожную грязь.

Второй разбойник успел зацепить топором плечо потешника, порвав лоскутный плащ и оставив алую полосу на коже, но Бьерн даже не поморщился. Развернувшись на пятках, он с размаху опустил меч на голову обидчика, рассекая грязное тряпье вместе с черепом.

В это же время в глубине повозки Астрид действовала быстро и хладнокровно. Тонкими пальцами она рванула тяжелый кожаный узел, освобождая цепь огромного зверя.

— Взять их, Хорек! Взять! — пронзительно закричала она. Старый медведь, рассерженный шумом и почуявший запах свежей крови, утробно и оглушительно зарычал. Огромная туша вывалилась из-под холста телеги прямо на тракт. Четвертый разбойник, державший наготове копье, при виде восставшего на задние лапы лесного исполина мгновенно растерял всю свою спесь. Он в ужасе закричал, выронил оружие и, не оглядываясь, бросился наутек сквозь чащобу, спотыкаясь о корни деревьев.

Но мне некогда было смотреть на медведя.

Главарь банды, рослый детина с налитыми кровью глазами, уже перемахнул через борт и навалился на меня всей своей тяжестью. Реальный бой оказался совсем не похож на веселые состязания со сверстниками. Здесь не было правил и благородства. От разбойника невыносимо разило дешевым питьем, гнилыми зубами, потом и сырой кожей, он хрипел мне прямо в лицо, пытаясь перехватить мою руку с отцовским ножом.

Страх и отчаяние — вот что вернуло мне силы в этот миг. Я извернулся, полоснув его клинком по предплечью.

Бандит взревел от боли, но рукоять своего топора не выпустил. Он ударил меня наотмашь тяжелым кулаком в челюсть. В голове взорвались тысячи искр, рот мгновенно наполнился солоноватым вкусом крови. Я упал на спину, больно ударившись затылком о сундук с шутовским реквизитом. Главарь навис надо мной, его сапог впечатался мне в грудь, вышибая остатки воздуха. Он перехватил топор обеими руками, собираясь одним ударом размозжить мне грудную клетку. Я зажмурился, понимая, что это конец моей так и не начавшейся саги.

Вдруг раздался глухой, сочный треск. Навалившаяся на меня тяжесть куда-то исчезла. Я распахнул глаза и увидел, как великан-разбойник нелепо взмахнул руками, его глаза закатились, и он замертво рухнул боком в грязную солому прямо рядом со мной. Из его разбитого темени струилась темная кровь. Чуть поодаль, тяжело дыша, стояла Астрид. Ее руки все еще были подняты для броска, а у ног валялись осколки второго острого булыжника. Девица метко, с силой истинной воительницы, пустила тяжелый придорожный камень прямо в голову разбойника.

— Вставай, охотник на редких зверей, — тяжело выдохнула она, вытирая лоб испачканной в грязи ладонью и протягивая мне руку. — Похоже, лесные духи сегодня на нашей стороне. Идем, надо убираться отсюда, пока не пришел еще кто-нибудь.

Глава 6

Пылает факел, и живущим
известно, как он ярко светит
в домах, где благородным людям
готовы отдых и веселье

Руна Кеназ (Kenaz), также Кано — Факел / Озарение / Внутреннее пламя

Название этой руны переводится как «факел» и символизирует свет, озарение и творческую энергию. Она олицетворяет ясность мысли, вдохновение, раскрытие талантов и обретение знаний — словно свет, разгоняющий тьму и освещающий путь. Кеназ связана с трансформацией: это не разрушительный огонь, а созидательная сила, помогающая преобразовывать идеи в реальность и раскрывать внутренний потенциал. Руна подчёркивает важность осознанного использования своей энергии — для творчества, обучения или решения задач. Символически Кеназ напоминает, что свет внутреннего огня помогает видеть цель и двигаться вперёд — главное бережно поддерживать этот огонь и направлять его в созидательное русло.

К исходу следующего дня разбитый тракт наконец вывел нас к крупному рыночному поселку, раскинувшемуся в устье полноводной реки. После глуши моей родной долины это место показалось мне бурлящим человеческим муравейником. Воздух здесь был пропитан резкими, незнакомыми запахами: заморскими специями, благовониями, соленой кожей и дегтем. Из гавани доносился скрип корабельных снастей и гортанная брань купцов-свеев[12], разгружавших свои длинные кнорры[13].

Наша телега, пахнущая медведем и кровью, медленно протискивалась сквозь толпу зевак, бродячих торговцев и оборванных рабов-трэллов[14]. Бьерн уверенно правил лошадью, ведя ее к постоялому двору на окраине, подальше от глаз наместника конунга. Нас разместили в полутемном, заброшенном сарае на заднем дворе. Стоило колесам замереть, как силы окончательно покинули нас. Астрид устало опустилась на охапку сухой соломы, а медведь Хорек, глухо заворчав, свернулся калачиком в самом темном углу.

— Олаф, парень, разожги-ка жаровню, — Бьерн со стоном скинул свой лоскутный, насквозь пропитанный кровью плащ. — Сталь любит чистый огонь, а раны — горячую смолу.

[12] свеи - древнегерманское племя, жившее на территории нынешней Швеции. Термин также использовался как собирательное название населения этих территорий.

[13] кнорр - крупное морское торговое судно скандинавов в эпоху викингов.

[14] трэллы - низшее сословие в обществе, представители которого выполняли домашнюю и хозяйственную работу.

Я быстро разыскал кресало и сухой трут. Вскоре в глиняном очаге заплясали яркие, желто-рыжие языки пламени, наполняя сарай зыбким светом и теплом. Астрид достала из сундука холщовые тряпки и глиняный горшок с пахучей мазью из целебных болотных трав.

— Сиди смирно, старый дурак, — ворчала она, промывая рану на плече Бьерна кипятком. — Еще бы дюйм вправо, и франкский топор перерубил бы тебе ключицу. О чем ты думал? Тебе забавы на рынках давать, а не с лесными псами рубиться.

Бьерн лишь глухо ухмылялся, крепко сжав зубы, пока девица щедро размазывала по его рассеченной коже жгучую мазь. Я сидел напротив, подбрасывая щепки в костер, и внимательно наблюдал за потешником. Свет пламени ложился на его обнаженный по пояс торс, выхватывая из темноты то, чего я не замечал раньше под его шутовскими нарядами.

Мой отец Сверрир часто принимал в нашем доме бывалых воинов, ярлов и наемников, вернувшихся из заморских походов. Я с детства научился отличать простого пахаря от человека, чья жизнь принадлежит войне. И сейчас, глядя на Бьерна, я понимал: передо мной сидит вовсе не бедный циркач.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.